

чится“ — „прилучится“; „полк“ — „вой“; „комони“ — „кони“; „ратиться“ — „сразиться“, „развращен“ — „розно“; „ядь“ — „снедь“; „уверни“ — „възворотн“; „похорнить“ — „погрести“; „двое чади“ — „двое детей“ и др.»⁵⁰

Однако тот же М. Д. Приселков принял за индивидуальную манеру составителя семейной хроники Ростиславичей — игумена Моисея то, что по существу являлось только трафаретом литературного этикета в применении к умершему князю. М. Д. Приселков пишет: «Проглядывая текст киевского свода 1200 г., мы невольно останавливаемся на частом применении к случаям упоминаний смерти того или иного князя приписки эгегического тона, как напр.: „и приложися к отцам, отдав обшй долг, его же несть убежати всякому роженому“ (1172 г.) или „и приложися к отцемъ своим и дедом своим, отдав обшй долг, его же несть убежати всякому роженому“ (1179 г.). Такие же приписки идут и дальше: под 1180 и под 1198 гг. Поскольку все эти приписки связаны с упоминанием смертей братьев Рюрика (под 1172 г. — Святослава; под 1179 г. — Мстислава; под 1180 г. — Романа; под 1198 г. — Давыда), т. е. относятся к семейной хронике Ростиславичей, они могут свидетельствовать только о том едином авторе, который писал эту хронику и которого мы определили как составителя всей летописной сводной работы 1200 г., т. е. Моисея».⁵¹

Все построение М. Д. Приселкова рушится как только мы убедимся в том, что те же выражения применены в Ипатьевской летописи и после 1200 г., например под 1289 г. в некрологической статье о Владимире Васильковиче Волынском. Литературный трафарет был принят М. Д. Приселковым за черту индивидуального стиля!

Специфические трудности атрибуции древнерусских литературных произведений по их стилю и вместе с тем вся важность стилистического анализа для их атрибуции могут быть продемонстрированы на примере с сочинениями Ивана Грозного. С именем Ивана Грозного дошло до нас довольно много различных произведений — литературных и деловых (речи, молитвы, послания, грамоты и т. д.). Но какие из них написаны самим царем, а какие написаны его подчиненными от его имени? Какие из них дошли до нас полностью, а какие только в изложении? Вот перед нами богомольная грамота в Троицкий монастырь, написанная в 1562 г. по случаю войны с Крымом и Польшею. Царь просит в ней молитвы о его «великих беззакониях» ввиду наступления врагов. Или вот другое его письмо — к шведскому королю Эрику 1563 г. Принадлежат ли они действительно Грозному или Грозный только «велел их отписать»?

Решающим в этом вопросе может явиться только анализ стиля. Послания Ивана Грозного, написанные лично им, резко нарушают условные правила дипломатической переписки, они содержат вызывающие намешки, иронические и колкие замечания и т. д. Эти специфические особенности стиля произведений Грозного отмечал уже Карамзин: «В слоге его есть живость, в диалектике — сила».⁵²

Вот что пишет Я. С. Лурье о стилистических признаках авторства Грозного: «Главный критерий для установления авторства Ивана IV по отношению к произведениям, подписанным его именем (и даже по отношению к произведениям, написанным от имени других лиц), — совершенно

⁵⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 86.

⁵¹ Там же, стр. 48.

⁵² Н. М. Карамзин. История государства Российского, изд. Эйнерлинга, т. X, стр. 149.